

Перед обедом, пока посетителей в зале почти не было, Линь Юй решил переставить мусорный короб.

Этот короб он спроектировал сам. Чтобы грязные ведра с помоями не портили аппетит гостям, Линь Юй заказал у жестянщика вместительный ящик с откидной крышкой — точь-в-точь как в современных ресторанах быстрого питания, которые появятся лишь годы спустя. Обьедки с тарелок сбрасывали прямо внутрь, где стояли ведра, после чего крышку протирали влажной тряпкой. Всё выглядело чисто и аккуратно, а летом такая конструкция отлично спасала от мух и удушливого запаха.

Пока он двигал тяжелый железный короб, из соседнего помещения вышла Су Яньцин. На ней было ярко-красное драповое пальто. Пышная химическая завивка крупными кольцами — по последней моде — обрамляла круглое бледное лицо. Броский макияж и яркая помада довершали образ: пусть природной красотой она и уступала его старшей тётё, Линь Сяохуэй, но одеваться и подавать себя умела со вкусом.

Раз уж они столкнулись нос к носу, молча разойтись было неловко. Линь Юй отставил короб и вежливо поздоровался:

— Тётя Су, смотрю, вы уже почти закончили. Когда планируете открываться?

— Люди знающие подсказали хороший день, так что в это воскресенье и начнем, — улыбнулась женщина.

— А с названием определились?

— Да чего тут думать, — отмахнулась Су Яньцин. — Назовем просто — ресторан «Яньцин».

— Отличное название, звучное, — похвалил Линь Юй. — Ну, пусть дело спорится, тётя Су! Желаю вам хорошей торговли и побольше клиентов.

— Твоими бы устами, — довольно прищурилась она.

Поболтав еще немного, Су Яньцин вернулась к себе, а Линь Юй продолжил возиться с коробом.

В это воскресенье в закусочной «Хуэйминь» как раз должен был стартовать шведский стол. Надо же, какое совпадение — прямо в день открытия соседей.

На душе вдруг стало беспокойно. И дело было вовсе не в грядущем соперничестве на кулинарном поприще.

В прошлой жизни через его руки проходили сотни миллионов юаней, так что здешняя мелкая возня его нисколько не пугала.

Его встревожило другое.

В той, прежней жизни трагедия случилась через полгода — как раз в те дни, когда он повез Сяо Фаньчуаня в столицу провинции на лечение.

Отношения со старшей тётёй у них не ладились, но Линь Юй всегда считал это обычной семейной грызней. Он и помыслить не мог, что человеческая злоба способна зайти так далеко. Поэтому даже пятнадцать лет спустя он ни разу не усомнился в официальной версии закрытия его заведения.

Тогда расследование ни к чему конкретному не привело: списали то ли на антисанитарию, то ли на плохо проваренную фасоль.

И Линь Юй смирился с этим туманным вердиктом.

Всё перевернулось незадолго до его сорокалетия, когда поздним вечером на его телефоне высветился незнакомый номер.

Закончив разговор, Линь Юй долго стоял посреди комнаты. Его била крупная дрожь, грудь сдавило так, что стало трудно дышать.

«А ведь у меня могли быть деньги на операцию... Сяо Фаньчуань остался бы жив!»

Оказалось, никакой случайности не было. Его ресторан не просто закрыли из-за халатности — еду отравили намеренно.

Старший дядя, Ли Гуанмин, спьяну проболтался за столом.

Язык у него заплетался, но он с гордостью хвастался перед собутыльниками:

— Видали, какой Линь Юй сейчас важный стал? А ведь когда-то он у меня в кулаке сидел! Стоило мне в его забегаловке сыпануть в чан малую толику отравы... Тьфу, да ладно, чего уж там! Не прогори он тогда, разве уехал бы из этой дыры, разве поднялся бы так? Он мне ещё по гроб жизни благодарен быть должен!

За столом тогда сидели его бывшие сослуживцы, уже вышедшие на пенсию. Дело об отравлении в свое время наделало много шума, так что они сразу всё поняли. Спустя пару дней один из них разыскал контакты Линь Юя и обо всём рассказал. Разумеется, за солидное вознаграждение.

«Светлый, чистый Сяо Фаньчуань погиб, а этот мерзавец спокойно дожил до седых волос...»

Линь Юй тогда сразу же взял билет на самолет до района Хунци, твердо решив свершить самосуд. Но судьба распорядилась иначе.

Когда ресторан «Яньцин» только открылся, дела у Су Яньцин шли неплохо благодаря богатому меню и её умению ладить с клиентами. Лишь спустя месяцы, когда новизна стерлась, а хозяйка начала откровенно жадничать, заведение покатилося под откос. А вот закусочная «Хуэйминь» с каждым днем только процветала.

Именно это завистливое сравнение и толкнуло тогда Ли Гуанмина на преступление. Свою роль сыграли и старые семейные обиды, и крупная ссора Линь Юя с двоюродным братом Ли Чжэном.

Сейчас Линь Юй не пытался специально вредить конкурентам, но его желание поскорее заработать капитал было куда сильнее, чем в прошлой жизни. Он неизбежно перетянет поток клиентов на себя гораздо быстрее, а значит, и реакция завистников последует раньше.

Существовала страшная вероятность, что Ли Гуанмин решится на подлость намного раньше срока.

Линь Юй судорожно вцепился в ледяной край железного короба. В груди снова разлилась та самая, щемящая боль.

Обедом пришлось пренебречь. Он поспешил в Первую районную начальную школу к своей второй тётё, Линь Сяоминь, и попросил её забрать Сяо Фаньчуаня после уроков к себе, пообещав заехать за братом вечером. Закончив с делами, он сел на пригородный автобус и отправился в город Хунъян.

Линь Юй обошел все крупные универмаги и специализированные рынки. Ноги гудели от усталости, но поиски не принесли ничего, кроме разочарования.

Он искал систему круглосуточного видеонаблюдения, чтобы установить её в зале и на кухне.

В закусочной работали всего три человека, и самому Линь Юю частенько приходилось отлучаться. Против открытого врага устоять можно, но как уберечься от крысы, которая тихом проберется на кухню? Если повесить на видном месте камеры, это остудит пыл даже самых отчаянных завистников — дядя с тётёй попросту побоятся лезть на рожон.

Конечно, можно было бы затаиться, дожидаться, пока Ли Гуанмин попытается подсыпать яд, поймать его за руку и сдать милиции. Но Линь Юй не мог так рисковать здоровьем людей. В таком случае он ничем не отличался бы от своего несостоявшегося убийцы.

А старые долги... Что ж, жизнь долгая, и у него еще будет время со всем рассчитаться.

Вот только Линь Юй совсем позабыл, что в конце восьмидесятых найти подобную технику в провинциальном Китае — задача почти невыполнимая. Привычных, дешевых и компактных цифровых камер еще не существовало в помине. Системы замкнутого телевидения были

громоздкими, безумно дорогими и редкими. Возможно, их не нашлось бы даже в главном городе провинции — за ними нужно было ехать напрямик в Пекин.

Когда он вернулся из города в район, уже сгустились сумерки.

Зимой темнеет быстро, и воздух мгновенно наполняется ледяной сыростью.

Едва Линь Юй сошел с подножки автобуса, пошел мелкий, кружащийся снег, который тут же таял на разбитой дороге, превращая её в грязное месиво.

Линь Юй шел к закусочной, увязая в раскисшей глине. Впервые после перерождения его охватило такое уныние. Сердце словно поджаривали на медленном огне — тоскливо и мучительно.

Оказалось, даже зная будущее наперед, невозможно застраховаться от всех ловушек судьбы. Его новая жизнь сейчас казалась тонким, изящным листом пергамента: один неверный шаг — и всё пойдет прахом, разлетится в клочья.

Стоило переступить порог закусочной, как в лицо пахнуло домашним теплом, ароматом жареного мяса и специй. Свободных мест почти не было. Сунь Фулу и Хоу Сяохун вертелись как белки в колесе, едва успевая разносить заказы. Линь Юй тут же вымыл руки, повязал передник и включился в работу.

У окна за большим круглым столом шумно сидела компания из пяти-шести мужчин. По их заношенной, пыльной одежде сразу угадывались рабочие-строители. Еды они заказали много, в основном простые и сытные овощные блюда, но алкоголя не жалели — у ножек стола уже выстроилась батарея из пары десятков пустых пивных бутылок. Видно было, что мужики измотались за день и решили как следует расслабиться перед сном.

Разнося тарелки, Линь Юй случайно уловил обрывок разговора.

— Да уж, сегодня упластались вусмерть, зато хозяин из столицы платит щедро, не скупится! — хрипло басил один из работяг.

— Еще бы ему скупиться, — отозвался пожилой мужчина напротив. — Видал, как они эти ящики таскали? Будто там хрусталь драгоценный. А этот главный их, управляющий, аж глаза вытаращил — следил за каждым шагом, не дай бог заденем или поцарапаем.

— Да вы не понимаете ни черта, — ухмыльнулся молодой парень с краю. — Я краем глаза глянул, когда машину разгружали. Там же на коробках сплошь иностранные буквы! Это же японские приборы слежения, камеры для охраны. Смерть какие дорогие, жуть просто!

Линь Юй, уже собиравшийся уйти на кухню, замер на месте. Он медленно повернулся к парню и с дружелюбной улыбкой поинтересовался:

— Извините, мужики, а что за предприятие такое богатое у нас открывается?

Парень охотно пояснил:

— Да вон там, на восточном склоне горы Бицзяшань, новый завод минеральной воды строят. Говорят, там строгость несусветная будет: камеры чуть ли не на каждом столбе в цеху повесят. Денег ухнули — страшно представить!

Выведав еще пару деталей, Линь Юй вернулся за стойку.

Рассчитывая клиентов, он то и дело возвращался мыслями к услышанному.

Завод минеральной воды на горе Бицзяшань — это ведь завод минеральной воды «Тэнъюэ», принадлежащий Хань Дуншэну. То, что сам Линь Юй безуспешно искал по всему Хунъяну, эти столичные коммерсанты привезли целой партией, да еще и напрямик из-за границы.

Ради безопасности заведения Линь Юй готов был выложить любые деньги за один такой комплект. Но у него не было ни выходов на импортных поставщиков, ни нужных связей.

А медлить с установкой наблюдения было нельзя: без этого он ночью глаз сомкнуть не сможет.

Линь Юй задумчиво закусил губу. Выход оставался один — переступить через гордость и пойти просить о помощи.

Нужно разыскать Хань Дуншэна и попытаться договориться. Купить одну камеру с рук, компенсировав все расходы на доставку и хлопоты.

Конечно, они толком и знакомы-то не были — виделись от силы пару раз и едва перебросились парой дежурных фраз. Но когда на кону стоит безопасность дела всей жизни и здоровье брата, выбирать не приходилось.

Возможно, стоило бы сначала обратиться к директору Яну, чтобы тот выступил посредником? Так шансов на успех окажется гораздо больше.

Пока Линь Юй взвешивал все за и против, мимо пробежала Хоу Сяохун. Вдруг она резко затормозила, хлопнула себя по лбу и подскочила к стойке:

— Ой, хозяин, совсем из головы вылетело! Днем ведь заходил тот странный гость... Ну, который всегда берет бамию и яичный крем с моллюсками. Просил передать, что сегодня уезжает обратно в Пекин, заглянул попрощаться.

Линь Юй вздрогнул. Сердце испуганно пропустило удар.

— Тот, который заказывает жареную бамию? — быстро переспросил он.

— Да-да, он самый! — закивала Сяо Хун. — Сказал, его фамилия Хань.

Линь Юй мгновенно забыл обо всех сомнениях. Если этот человек уедет в столицу, неизвестно, когда он теперь вернется в эти края. Время уходило.

Даже если просить директора Яна связаться с ним, пока они созвонятся, пока всё обсудят — драгоценные дни будут потеряны. Лично поговорить гораздо надежнее.

Сяо Хун, заметив, как побледнел и занервничал хозяин, поспешно добавила:

— Если он вам срочно нужен, так он говорил, что у него поезд сегодня вечером.

В самом районе Хунци пассажирского вокзала до Пекина не было — все поезда на столицу шли через узловую станцию города Хунъян.

Линь Юй бросил взгляд на настенные часы. Половина седьмого вечера. Единственный прямой состав до Пекина отправляется ровно через два часа.

Сорвав с себя передник, Линь Юй сунул его в руки растерявшейся Сяо Хун, на ходу натянул теплое пальто, схватил кошелек и крикнул уже у дверей:

— Мне нужно срочно уехать по делу! Если до закрытия не вернусь, запирайте всё вместе с дядей Сунем!

Выскочив на улицу, он поймал попутный трехколесный мотоцикл и велел гнать к автовокзалу района Хунци.

Однако на месте его ждал жестокий удар: в такой поздний час автобусы до города уже не ходили.

В конце восьмидесятых пригородное сообщение замирало рано — после шести вечера на дорогах оставались разве что редкие грузовики.

Линь Юй в растерянности остановился у ворот автостанции, тяжело переводя дыхание. Напротив возвышалось темное здание местного железнодорожного вокзала. Оттуда доносился тяжелый, размеренный стук колес уходящего состава и протяжный, глухой гудок тепловоза, эхом разлетающийся в морозном воздухе.

Не теряя времени, Линь Юй бросился через привокзальную площадь к кассам.

К счастью, проходящих поездов до Хунъяна было предостаточно. Один только что ушел, но следующий обещали подать через полчаса.

Купив билет, Линь Юй принялся мерить шагами зал ожидания, не находя себе места от тревоги. По подсчетам, он всё еще успевал на пекинский поезд.

Однако не прошло и пятнадцати минут, как из динамиков надтреснутым голосом объявили, что нужный ему состав задерживается из-за снежного заноса еще на полчаса.

В голове у Линь Юя загудело. Понимая, что каждая минута на счету, он бросился вон из вокзала, даже не пытаясь вернуть билет в кассу.

Рядом с пассажирским вокзалом находилась грузовая станция. Линь Юй, обливаясь потом от бега, припустил туда и заметил тяжелый грузовик, доверху забитый деревянными клетками с утками. Водитель как раз собирался выезжать в сторону города.

Линь Юй принялся умолять шофера взять его с собой, сунув ему двойную плату за проезд. Тот нехотя согласился.

Места в кабине не оказалось — на переднем сиденье уже устроилась жена водителя, так что протискиваться третьим было неудобно. Линь Юю пришлось залезть прямо в открытый кузов. Он кое-как расчистил себе пятючок среди утиных клеток и опустил на холодный дощатый пол.

Грузовик яростно взревел и понесся по ухабистой дороге. Ледяной зимний ветер нещадно хлестал Линь Юя по лицу, пробирая до самых костей. Каждый раз, когда тяжелые колеса проваливались в очередную дорожную колдобину, замерзшие утки в клетках поднимали истошный, дружный гвалт. Впрочем, крики птиц утомляли не так сильно, как стойкий, едкий запах помета, окутавший весь кузов плотным облаком.

Спустя сорок минут этой изнурительной тряски грузовик притормозил у небольшого товарного склада на окраине Хунъяна. Линь Юй кубарем скатился на землю, мельком глянул на часы и, не помня себя от беспокойства, поймал попутное такси до главного вокзала.

Еще через пятнадцать минут машина затормозила у привокзальной площади. Линь Юй выскочил наружу, но тут же понял, насколько наивными были его надежды.

На платформу без билета не пускали — бдительные дежурные у турникетов стояли насмерть. Линь Юю пришлось пулей лететь в кассовый зал и покупать первый попавшийся билет на самую дешевую пригородную электричку.

До отправления пекинского поезда оставалось всего двадцать минут. Линь Юй отыскал на табло номер нужного зала ожидания и, задышав от бега, взлетел по лестнице на второй этаж. Но огромный зал оказался пуст — лишь пара случайных пассажиров дремали на лавках.

Оказалось, отправление перенесли на другой путь, и пассажиров перевели в соседнее крыло

здания.

На это перемещение ушло еще пять бесценных минут. Когда Линь Юй наконец ворвался в нужный сектор, у турникетов уже выстроилась плотная очередь. Люди спешно проходили контроль и спускались на платформу.

Он метался вдоль толпы, заглядывая в лица, но знакомого высокого силуэта нигде не было видно.

Неужели опоздал? Наверное, Хань Дуншэн уже прошел в вагон.

Один из пассажиров, заметив его отчаянные поиски, сочувственно спросил:

— Парень, ты кого-то ищешь? Твои точно этим поездом едут?

— Да, — выдохнул Линь Юй, утирая пот со лба. — В Пекин ведь только один рейс идет.

Мужчина лишь покачал головой:

— Так расписание же поменяли неделю назад. Добавили еще один скорый до столицы, он как раз час назад ушел.

В ушах у Линь Юя противно зазвенело, а тело словно обдало ледяной водой.

Сама по себе упущенная возможность не была концом света, но вся эта безумная, изматывающая гонка, закончившаяся полным крахом, вкупе с дневной тревогой подкосила его окончательно. Линь Юй почувствовал, как предательски подкашиваются колени. Ноги стали ватными, в глазах потемнело, и он начал медленно оседать на грязный пол вокзала.

Но упасть ему не дали.

Чья-то сильная, широкая ладонь крепко обхватила его за плечи, легко, без видимого усилия вернув телу равновесие.

— Что с вами? — раздался за спиной глубокий, чистый баритон, столь безупречный, будто принадлежал диктору центрального радио.

Линь Юй резко вздрогнул и обернулся. Прямо перед ним стоял Хань Дуншэн.

Мужчина слегка нахмурился, в его темных глазах сквозило вежливое недоумение напололам с тревогой. Но уже через мгновение его суровое лицо смягчилось, уступив место искреннему изумлению.

Линь Юй сам не заметил, как мертвой хваткой вцепился обеими руками в рукав его дорогого шерстяного пальто, измяв плотную ткань. Белая кожа молодого парня горела румянцем от ледяного ветра, дыхание со свистом вырывалось из груди, а в расширенных зрачках дрожали непрошенные слезы. Но главным было не это.

В его взгляде, устремленном на Хань Дуншэна, читалось такое безумное облегчение, такая отчаянная, почти детская надежда и трепетное обожание, что этот свет едва не ослепил мужчину.

На мгновение Хань Дуншэн лишился дара речи. Сердце его дрогнуло, а в голове сама собой оформилась обескураживающая, но до странности приятная мысль:

«Надо же... Неужели этот мальчишка настолько сильно в меня влюблен? Влюблен до такой степени, что не может вынести разлуки всего в одну короткую неделю?»

<http://bllate.org/book/20105/1993555>